

Брата с большим животом и лицом булочкой звали Чжун Чжэ. Положив стопку учебников, он так нервничал, что постоянно вытирал пот на голове носовым платком.

Вчера его учитель внезапно ушел, ничего не объяснив перед уходом.

А сегодня был его урок. Конечно, каждый из учеников Шан Юаня думал, что эта группа взорвется.

Каждая классная карточка была чрезвычайно ценной, и обычно другие уроки меча были самыми печальными. Каждый первокурсник спешил выбрать курс Шан Юаня. Если бы первокурсники увидели, что это не он, они бы взбунтовались на месте?

Поэтому все братья и сестры толкали и били друг друга и, наконец, нашли Чжун Чжэ, жертвенную замену.

Он посмотрел на выражения шока и гнева новых учеников, и испугался всем телом.

Но Линь Сяоча была ошеломлена. Ее красивые глаза мгновенно потеряли фокус.

Цзинь Чжифэну было все равно, был ли это Шан Юань или нет. Он пошел на этот курс, потому что действительно хотел изучить намерение меча.

Но он не ожидал, что Линь Сяоча придет на этот курс, что было удивительно.

"Маленький росток фасоли, почему ты здесь?"

Линь Сяоча не успел ему ответить.

Почему эти сто миллионов такие сложные?

Цзинь Чжифэн увидел, что она не отвечает ему, и подумал, что она все еще злится на него. "Маленький росток фасоли, насчет того, что было раньше, это действительно моя ошибка. Я больше никогда так не поступлю".

Линь Сяоча забыла, о чем он говорил, и только безучастно смотрела на брата с пухлым животом.

Чжун Чжэ продолжил: "Дорогие братья и сестры, в этом году я возьму на себя все занятия моего мастера..."

Не успел он закончить свои слова, как весь лекционный зал внезапно взорвался.

Линь Сяоча разрыдалась.

Цзинь Чжифэн все еще беспокоился о том последнем случае, когда он собирался поцеловать ее насильно. Поэтому, естественно, он подумал, что она плачет из-за этого, и в душе почувствовал себя еще более виноватым.

"Маленький росток фасоли, не плачь..."

Цзян Чэнцзы смотрел на яйцо в своей руке, а другой рукой поддерживал свой лоб. Он чувствовал холод по всему телу.

"Шан Юань попросил меня покинуть гору Тянью вчера вечером. Не волнуйся. Твоя девочка его не увидит".

Выражение лица Хань Юя было нехорошим.

Цзян Чэнцзы вздохнул: "Этот ребенок, Шан Юань, очень сильно настроен. Я не знаю, действительно ли он слушал мои наставления последние сотни лет или нет".

Хань Юй услышал его слова, а затем медленно открыл глаза: "Куда он отправился?"

Цзян Чэнцзы: "В Лес Десяти Тысяч Демонов".

Видя спокойное выражение лица Хань Юя, Цзян Чэнци не мог не спросить: "Ты не волнуешься?".

"У всего в мире есть своя судьба". Он медленно закрыл глаза.

*

На хребте появилась огромная черная тень. Король Демонов восстанавливал силы в этом холодном глубоком море с тех пор, как Хань Юй ранил его.

Он думал, что единственное, что может ранить его в этом мире, это Феникс Фэн Наньфэя, но он не ожидал, что меч этого человека окажется настолько острым. Он не только ранил его, но и убил его бесчисленных бойцов.

В это время он нетерпеливо посмотрел на плавающего по морю человека в белой одежде с вертикальными глазами, похожими на голубое пламя.

"Ты осмелился прийти сюда". Хриплый голос из его клыков разнесся по морским глубинам.

В предыдущей жизни Шан Юаня яйцо Короля Демонов увяло, и Король Демонов взял на себя инициативу по поиску Шан Юаня.

Но в этой жизни яйцо Короля Демонов просто пропало. Поэтому этот черночешуйчатый дракон не удосужился взглянуть на него дважды.

После того как он задумался о прошлом и настоящем и увидел семь лучей света Линь Сяоча из семи духовных камней на платформе Юлин, Шан Юань догадался, что ее яйцо было яйцом Короля Демонов, и она связала его контрактом жизни и смерти.

Если бы не это, он бы уже давно уничтожил это яйцо. Зачем ему было приходить сюда, чтобы искать эту лицемерную злодейку?

Шан Юань посмотрел на черного чешуйчатого дракона с голубыми глазами и смиренно позвал: "Отец".

*

Видя, что Хань Юй не собирается играть с ним в шахматы, Цзян Чэнцзы также знал, что

беспокоиться о Шан Юане бесполезно. Как говорил Хань Юй, у всего есть своя судьба.

Он больше беспокоился о Чжун Чжэ перед ним, чем о Шан Юане вдалеке.

Он боялся, что ученики, прошедшие курс Шан Юаня, не примут Чжун Чжэ так легко.

Он снова открыл Глаз Тяньюй. В любом случае, отсутствие Шан Юаня не должно стимулировать Хань Юя.

Конечно, весь лекционный зал был полон суеты. На занятии присутствовало немало людей, которые серьезно посещали занятия. Шум со стороны Тяньюя снова заставил Хань Юя открыть глаза и холодно посмотреть на зеркало.

Все бы ничего, если бы он не смотрел на него, но как только он взглянул на зеркало, холод, который он только что подавил, появился снова.

Линь Сяоча в это время уже устала плакать. Она спала на столе, одетая в мужской халат, а рядом с ней сидел Цзинь Чжифэн.

Он смотрел на нее ласковыми глазами. Он заслонил рукой свет, проникающий через окно, чтобы она могла спокойно спать. Другой рукой он убирал волосы с ее лица.

Цзян Чэнцзы снова кашлянул.

Эта маленькая девочка просто бесконечна.

Он посмотрел на замершую вокруг него террасу Цисинтай. Впервые он почувствовал, что найти общий язык с Хань Юем очень сложно.

Он встал и прочистил горло: "Я пойду и посмотрю на этих бандитов, которые так шумят и кричат повсюду. Посмотрим, как я заставлю их вести себя прилично!"

Он не ожидал, что Хань Юй встанет и холодно сказал: "Я тоже пойду".

Цзян Чэнцзы: ?

Чжун Чжэ читал вслух учебник в своей руке, но его почти никто не слушал.

Во всем зале было так шумно, что Чжун Чжэ не слышал собственного голоса.

Вдруг перед лекционным залом появились два ослепительных луча синего света. Две мощные духовные силы заполнили весь лекционный зал. Лекционный зал был немаленьким, но казалось, что он не мог вместить эти две подавляющие силы, создавая у людей иллюзию, что эти духовные силы раздавят их.

Все, включая Чжун Чжэ, начали нервничать. Затем во всем лекционном зале вдруг стало так тихо, что можно было услышать падение иголки.

Только Линь Сяоча не шелохнулась. Она была переполнена горем, к тому же она уже привыкла к этой духовной силе, поэтому спокойно спала.

После того как два луча света потухли, в зал вошли старик в заплатанном зеленом халате и молодой человек в белых одеждах с необычайно спокойной, безупречной внешностью.

Глаза у всех расширились!

Глава и второй старейшина!

Как эти двое появились здесь?

Цзян Чэнцзы закричал: "Вы, бандиты! Это ваше отношение к обучению?"

Все ученики во главе с Бай Сюаньраном выглядели серьезными и смиренными, склонив головы, чтобы выслушать наставления Цзян Чэнцзы.

Линь Сяоча все еще не проснулся. После девяти лет обязательного образования и трех лет высшего образования, каких только битв она еще не видела?

И она пришла сюда не учиться.

Направление ее борьбы отличается от этих людей.

Хань Юй посмотрела на Линь Сяоча, который спокойно спал. Она даже натянула вокруг себя одежду Цзинь Чжифэна и плотнее закуталась. Казалось, она спала вполне комфортно.

Его лицо стало еще холоднее.

Цзинь Чжифэн хотел было разбудить Линь Сяоча, но, увидев Хань Юя, засомневался.

Цзян Чэнцзы некоторое время отчитывал его. На самом деле, он не был сильно зол, но его слова были таким, что он не мог не пожаловаться.

После того, как все было сказано, он повернул голову и спросил Хань Юя, что ему делать.

На самом деле, он просто хотел быть плохим парнем, а Хань Юй будет хорошим парнем и даст всем возможность выдохнуть.

Воспитание детей - слишком сложная задача.

Но он не ожидал, что тот в это время посмотрит на Линь Сяоча, лежащую на столе, и холодно скажет: "Всех прогнать с горы".

Цзян Чэнцзы: ?

Все ученики: !!!

Новые ученики не ожидали, что Хань Юй будет говорить так решительно, и, похоже, он вовсе не шутил. Выражения их лиц изменились.

Цзян Чэнцзы посмотрел на испуганных детей и поспешил их утешить: "Это, это не обязательно...".

Лицо Хань Юя было холодным и расплывчатым.

Видя, что Хань Юй совсем не хочет давать этим бандитам отдыха, Цзян Чэнцзы подумал, что он действительно нашел не того человека, чтобы совершить поступок. Откуда такому нетерпеливому человеку знать, как воспитывать детей!

Те, кто хотят почитать его, как учителя, слепы!

Он мог быть и плохим, и хорошим человеком. Он пел до тех пор, пока его лицо не покраснело, но все пьесы ему приходилось заканчивать в одиночку. "Я думаю, что это твой первый проступок, поэтому я не буду гнать вам с горы. Вы вернетесь вечером, и каждый перепишет книгу сто раз".

Все сказали: "Спасибо, учитель!".

Цзян Чэнцзы вздохнул. Когда он уже собирался уходить, один из учеников встал: "Учитель, старший брат Чжун читал эту книгу. Но содержание... мы не понимаем, о чем он говорит".

Другие ученики один за другим вторили ему.

Чжун Чжэ был очень смущен, как будто его публично казнили, все его лицо покраснело.

Когда Цзян Чэнцзы раздумывал, что сказать, он услышал, как Хань Юй холодно сказал: "Тогда скажи мне, какое предложение он только что прочитал?".

Его тон был спокойным, но аура, исходящая от всего его тела, заставила ученика вздрогнуть. Пара остекленевших глаз, казалось, могла проникнуть в самое сердце ученика.

Ученик заикался и не мог ответить.

"Ты даже не знаешь, что он читал, так как же ты можешь это понять?"

сказал он легкомысленно, но лицо ученика раскраснелось и побледнело. Ему негде было проявить себя.

Хань Юй взял учебник, который держал Чжун Чжэ, и стал читать страницу за страницей.

По сравнению с выговором Цзян Чэнцзы, его холодные и равнодушные слова были еще более шокирующими.

Ученики не осмеливались даже громко дышать. Они не могли дождаться, пока он перевернет книгу, затаив дыхание.

Наконец, Хань Юй равнодушно сказал: "Этот урок я проведу позже".

Как только прозвучал его голос, глаза всех, включая Цзян Чэнцзы, расширились.

Как это называется?

Ты потерял лошадь, но это было благословение!

Естественно, Шан Юань был редким гением. Но разве можно было сравнить его с дядей-учителем Хань Юем, живым богом горы Тяньюй?

Легенда гласила, что если не случится какого-то важного события, он не покинет свой пик Шанхай. Характер у него одинокий, не умеющий ладить с миром. Увидеть его сложнее, чем подняться на небо, а теперь он захотел прийти, чтобы учить?

Значит, его можно будет видеть каждый день?

Цзян Чэнцзы, казалось, тоже не верил своим ушам: "Ты уверен?".

Но тут он кое-что вспомнил. Он посмотрел на спящую девушку в глубине аудитории, погладил бороду и многозначительно произнес "гм". Он похлопал Хань Юя по плечу, и на его лице появилась явная улыбка.

"Тогда я оставляю это второму старейшине". Сказав это, он исчез из лекционного зала в воздухе.

Хань Юй медленно пошел к концу лекционного зала. Все нервничали и волновались, следя за тем, куда он идет.

Но только после того, как он обогнал их, они осмелились повернуть голову и посмотреть на его чистую и прямую спину.

Он был тщательно одет в белую одежду без единого пятнышка, как снежный лотос. Походка его была подобна ледяному мечу, как прямой луч света.

Затем он прошел перед Линь Сяоча. Цзинь Чжифэн собирался разбудить Линь Сяоча, но не ожидал, что Хань Юй снимет с себя большой плащ, в который она была одета, и бросит его в руки Цзинь Чжифэна.

Цзинь Чжифэн потерял дар речи.

Его чувства к Хань Юю были очень сложными. Он был благодарен ему, восхищался им и почти поклонялся ему. Но из-за Линь Сяоча в нем чувствовалась и некоторая враждебность.

Из-за смеси этих странных чувств он не мог смотреть в глаза Хань Юю, но, не говоря ни слова, он держал пальто с температурой тела Линь Сяоча.

Линь Сяоча несколько ночей спала на жесткой деревянной доске. Она могла спать только один или два часа за ночь, а потом резко просыпалась. Прошлой ночью она спала очень мало, и когда она узнала, что человек, ведущий этот урок, не Шан Юань, ей стало так грустно, что она не хотела просыпаться.

Хань Юй молча стоял возле Линь Сяоча и наблюдал за ней, когда она спала на животе.

Она взяла все свои десять факультативов, чтобы посещать занятия Шан Юаня, но пришла сюда спать?

Все смотрели на почти застывшие глаза Хань Юя, и все молча потели за Линь Сяоча.

Он постучал рукой по столешнице Линь Сяоча.

От этого движения Линь Сяоча медленно открыла глаза.

Перед ней все было таким белым.

Она медленно подняла голову и растерянно посмотрела на человека перед собой. Затем она увидела холодное и красивое лицо Хань Юя.

С той ночи он снился ей, как только она закрывала глаза, и иногда ей снились постыдные вещи.

Но видеть такие сны днем, это, кажется, не очень хорошо, верно?

Ну, это нехорошо.

Поэтому она снова закрыла глаза.

Все в сердцах зажгли свечу за Линь Сяоча.

Они ожидали, что Хань Юй спустит ее с горы.

Хань Юй протянул свою красивую руку и двумя тонкими пальцами провел по ее гладкому лбу.

Увидев это, Цзинь Чжифэн нахмурился.

Наконец, Линь Сяоча в оцепенении открыла глаза.

Она уставилась на стоящего перед ней мужчину с холодным лицом и тут же села.

Словно не веря в то, что ей привиделось, она снова потерла глаза.

Это не сон!

"Сянь, Сянь, Сяньцзюнь? Почему ты здесь?"

Хань Юй был слишком ленив, чтобы обращать на нее внимание. Он взглянул на нее и повернулся, чтобы уйти.

Линь Сяоча вздохнула с облегчением, но не понимала ситуации. Она повернулась и собиралась спросить Цзинь Чжифэна о том, что происходит, но услышала, как Хань Юй легкомысленно сказал: "Принеси сюда свой стол и стул".

Затем...

Линь Сяоча осталась одна, сидя перед остальными столами.

Она обиженно посмотрела на Хань Юя. Ее абрикосовые глаза готовы были вот-вот вытечь: "Сяньцзюнь, можно я сяду сзади?"

Какой позор!

С ней никогда так не обращались, даже когда она училась в начальной школе!